заимствованиями и исконными индоевропейскими компонентами хеттского словаря, к максимально полному выявлению которых стремится Б. Чоп как в рецензируемой книге, так и в других своих работах [7]. Для всех этих работ характерно тщательное рассмотрение особенностей хеттской графики (в частности, противопоставления сдвоенного и несдвоенного написания согласных, что Чоп использует для реконструкции древнего места ударения) и широкие сопоставления с такими ранее мало привлекавшимися в компаративистике анатолийскими языками, как лувийский, а также и с другими вновь изучаемыми индоевропейскими языками (тохарскими, микенским греческим). Бесспорным представляется отмечаемый Чопом на основании сравнения друг с другом разных анатолийских языков общеанатолийский характер того глагола, к которому восходит хет. pai-, piia- 'давать', лув. piia-, иер. лув. pia-, лик. pije-, пал. pi-ša- (стр. 89—90). Однако едва ли в этом можно видеть довод против выделения в этом глаголе приставки *pe- (стр. 85—126). Как показывает сравнение с хеттским глаголом pai- 'идти' (родственном рус. *пойти*), еще в дописьменный период истории хеттского языка вытеснившим корневой глагол i- 'идти' (сохранившийся в лувийском), сращение глагола с этой приставкой в анатолийском могло иметь место в достаточно раннюю эпоху.

В соответствии с тем уровнем, которого достигла хеттология, в настоящее время при исследовании лексикологических и грамматических вопросов необходима тщательная хронологическая дифференциация текстов [8]; естественно, что древнехеттские памятники должны играть решающую роль при доказательстве архаизма той или иной формы. В новохеттский период для многих писцов-лувийцев и хурритов родом с юга Анатолии хеттский язык уже не был родным (если он еще и оставался живым); поэтому язык новохеттских текстов в большей степени обнаруживал черты искусственной грамматической перестройки. Невниманием к новейшим собственно хеттологическим исследованиям объясняется неточность замечаний Б. Чопа о склонении основ на -ai (стр. 46): автор не учел свидетельства древнехеттских текстов, противопоставляющих не две дублетных формы (как ошибочно полагает Чоп вслед за Фридрихом, ориентирующимся на новохеттские тексты), а направительный падеж на -iy-a типа linkiya 'к клятве' и локатив на -ai lingai 'под клятвой', который можно рассматривать не как результат фонетического развития ay-i- [9], а как локатив с нулевым окончанием типа хет. zeni 'в конце лета, осенью'; соответствующего др.-рус. ОСЕНИ, сербо-хорв. *јесени*, ср. в других типах основ (обычно среднего рода) на сонант и согласный недавно выявленное противопоставление такого локатива с чистой основой другим видам локативов: nebiš 'на небе' (соответствующее ст.-сл. НЄБЄС — в форме мест. п. НЄБЄС-Є, где -Є из послелога, присоединявшегося к чистой основе) при локативе на -i nebiš-i (ср. ст.-сл. НЄБЄСИ в функциях мест. п. и дат. п.) [10] и направительном nebiš-a; iškiš 'на спине', iškiš-i, iškiš-a; tapuš 'на боку', tapuš-a; lukat 'на рассвете', lukat-i, lukat-a; šiuat 'день', siuat-i; tagan 'на земле' (тохар. A ṭkaṃ) tagn-i, tagn-a (соответствует иероглиф. лув. dakama); pir 'в доме', parn-i, parn-a; kir 'в сердце', kard-i; kard-a; kešar 'в руке', kešr-i, kešr-a; šer 'вверху' (в древнехеттском имя существительное), лув. šarr-i, хет. šar-a 'вверх' [11]. Каждая из трех этих древнехеттских серий форм восходит соответственно к трем общеиндоевропейским типам именных образований. При всей гипотетичности некоторых из предлагаемых объяснений книга Б. Чопа, как и другие его работы, представляет собой одно из тех необходимых предварительных исследований, без которых невозможно создание будущей подлинной сравнительно-исторической грамматики и этимологического словаря хетто-лувийских языков.

Вяч. Вс. Иванов

[7] См., в частности, цикл его статей: C o p B. Zur hethitischen Schreibung und Lautung.A—E.— «Linguistica» (приложение к журналу «Slavistična Revija», V, 1963, стр. 21—46; VI, 1964, стр. 37—76; VIII, 1966—1968, стр. 43—61; e r o ж e. Notes d'etymologie et de grammaire hittites. II—III, «Linguistica», IV, 1955, стр. 59—66; IX, 1956, стр. 19—39.

[8] В качестве примера очень тщательного хронологического расслоения разных текстов при исследовании, имеющем исключительное значение для выявления древних видовых соотношений в хеттском глаголе, в том числе и в таких конструкциях, которые этимологически соответствуют славянским приставочным образованиям (ср. хет. šan: слав. съ < *som и т. д.), можно привести недавнюю книгу: J o s e p h s o n F. The Function of the Sentence Particles in Old and Middle Hittite (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Indoeuropea Upsaliensis, 2) Uppsala, 1972.

[9] См. L a r o c h e E. Указ. соч., стр. 32.

[10] Представляется, что приводимые хеттские факты удостоверяют древность общеславянской парадигмы, в балтийском перестроившейся, ср.: K a z l a u s k a s J. Lietuvių kalbos istorinė gramatiką, Vilnius, 1968, стр. 285.

[11] Детально противопоставления этого рода разобраны Ларошем (L a r o c h e E. Указ. соч., стр. 24—44) в статье, представляющей собой образец последовательно исторического подхода к данным хеттского языка (с ориентацией на тексты, архаичные не столько по графике, сколько по языку). Однако список локативов с нулевым окончанием и в этой статье является неполным.